

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ КИЕВСКОЙ РУСИ ПО «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Русское государство до XV в. отличалось тем, что оно практически не имело специального административного аппарата. Единственное, что хоть как-то можно отнести к административной системе управления, — это двор князя. Даже регулярная налоговая система (основа жизнедеятельности любого «нормального» государства) появилась только в XIII в.: лишь под давлением татаро-монгольских завоевателей впервые была проведена «перепись населения» и установлен норматив регулярных выплат.

Такое отставание Руси в развитии выглядит очень странно, особенно если вспомнить сильное византийское влияние — влияние самой развитой цивилизации раннесредневековой Европы. Для сравнения следует отметить, что Латинский Запад даже в период раннефеодальной раздробленности все-таки сохранял от римских времен какие-то институты административного государства, которые реально возникнут на Руси лишь в эпоху Ивана III.

Сторонники периферийной концепции развития России видят причину отставания Руси в ее окраинном положении по отношению к цивилизованному Западу. Такая точка зрения есть «опрокидывание в прошлое» современного положения вещей: в раннее средневековье «цивилизованный» Запад сам был по многим критериям периферией по отношению к гораздо более цивилизованным Византии и Арабскому халифату.

Главным фактором отставания, на наш взгляд, является банальный дефицит населения, который испытывала Киевская Русь. Именно данной проблеме и посвящено настоящее исследование.

Численность и состав населения средневековой Руси остаются спорными до сих пор. Авторы, занимавшиеся данной темой в дореволюционный и советский периоды, стремились до-

казать большую численность населения страны. В отличие от них, некоторые западные исследователи указывали на дефицит населения в Древней и Московской Руси как на один из центральных факторов ее отставания (П. Андерсон, А. Медиссон, У. Мак-Нил). Однако сторонники концепции демографического дефицита в средневековой России не старались привести точных данных по численности и составу народонаселения.

Современные российские историки, например, С.А. Нефедов и Э.С. Кульпин, отстаивают концептуальную идею большой численности населения Московской Руси и динамичного роста ее населения в монгольский период. В частности, С.А. Нефедов доказывает, что Северо-Западная Русь еще в начале XIII в. достигла пика роста своего населения, что обернулось перенаселением и страшным голодом в Новгороде¹.

Для анализа исторической демографии Киевской Руси мы попробуем использовать в качестве первоисточника сообщения «Повести временных лет». Конечно, сообщения древнейшей русской летописи — это отнюдь не «газетная хроника». Однако в ней, независимо от намерений самого летописца, не могли не отразиться социально-экономические реалии эпохи.

«Военный» подход к анализу исторической демографии Киевской Руси

Многие историки прибегают к определению численности населения страны посредством анализа сведений об истории войн. Мы имеем немалый объем летописных данных о войнах и составе войск средневековой Руси. Обратим внимание на несколько летописных фрагментов, из которых можно сделать вывод о малочисленности населения Руси в киевский период.

Case-study 1111 года. Итак, отрывок первый, относящийся к временам Владимира Мономаха: «В год 6619 (1111). Вложил Бог Владимиру мысль в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Дружина же сказала: “Не время теперь губить смердов, оторвав их от пашни”. И послал Святополк к Владимиру, говоря: “Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной”. Посланцы же пришли к Владимиру и передали слова Святополка. И пришел Владимир, и собрались на Долобске.

И сели думать в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир со своею. И после молчания сказал Владимир: “Брат, ты старше меня, говори первый, как бы нам позаботиться о Русской земле”. И сказал Святополк: “Брат, уж ты начни”. И сказал Владимир: “Как я могу говорить, а против меня станет говорить твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и гумно его подожжет. Об этом-то, почему не подумаете?”. И сказала вся дружина: “Впрямь, воистину так оно и есть”. И сказал Святополк: “Теперь, брат, я готов (идти на половцев) с тобою”»².

Обратим внимание на некоторые любопытные детали этого отрывка из «Повести временных лет». Слова дружинников Святополка «не время теперь губить смердов, оторвав их от пашни» указывают нам на наличие пашенного земледелия, осуществляемого при помощи лошади, т.е., речь идет уже о развитом (по средневековым меркам) земледелии. Пафос противников похода на половцев заключался в том, что вовлечение смердов в поход против половцев могло буквально погубить их. Судя по контексту, речь идет вовсе не о том, что на войне всегда кто-то гибнет. Проблема заключалась в том, что если смердов отрывают от весенних посевных работ, то, даже вернувшись из победоносного похода, они рискуют умереть от голода. Это возможно только в том случае, если в военное предприятие необходимо было вовлечь всех смердов-земледельцев или подавляющее их большинство. Если же все смерды должны были принимать участие в походе против половцев, то, получается, что численность аграрного населения южных земель Руси была крайне мала. Ведь в походах Владимира Мономаха в степь принимало участие, по нашим оценкам, не более 20 тыс. человек³, и это — максимальная оценка.

Интерпретация этого case-study во многом зависит от ответа на вопрос — объединяло ли понятие «смерд» *всех* крестьян в Киевской Руси, или же это название только какой-то категории крестьян? Если под смердами подразумеваются все крестьяне⁴, то из процитированного отрывка можно сделать вывод: численность деревенских жителей самых в аграрном отношении осво-

енных к XII в. Киевского и Переяславского княжеств не превышала 100 тыс. человек. Ведь обычное отношение способных к воинской службе мужчин ко всему остальному населению для средневековой Европы составляло один к пяти или четырем, это — аксиома исторической демографии.

Сам факт массового вовлечения крестьян в боевые действия указывает на малочисленность княжеских дружин. Это подтверждается также и тем, что оба князя собрали свои дружины в одном шатре. Справедливости ради следует заметить, что под шатром в процитированном отрывке подразумевается не аналог современной туристической палатки, а навес, под которым могло находиться более сотни человек. Кроме того, на совещание князей звали, конечно, не всех дружинников, а только наиболее элитную их часть (старшую дружину).

И тем не менее, если процитированный отрывок трактовать как «зарисовку с натуры», то получается, что у двух крупных князей, контролирующих весьма обширные земли, число дружинников измерялось несколькими сотнями человек, никак не тысячами. Для сравнения можно вспомнить, что в начале IX в. войско Карла Великого насчитывало, по самым минимальным оценкам, порядка 5 тыс. воинов (по другим оценкам, даже порядка 100 тыс.), а в 1066 г. Вильгельм Завоеватель одержал победу при Гастингсе, имея «под ружьем» около 7 тыс. человек⁵.

Итак, если исходить из того, что смерды в XII в. — это обобщенное наименование крестьян, то мы можем сказать, что Киевское и Переяславское княжества вместе взятые вмещали примерно 100 тыс. сельских жителей. Города этих княжеств при такой демографической ситуации в древнерусской деревне в эпоху Владимира Мономаха едва ли насчитывали более 25 тыс. человек.

Кажется странным, что в приведенном из «Повести временных лет» отрывке ни слова не говорится о городском ополчении. Проблему с набегами кочевников Владимир Мономах предлагает решить только с помощью дружинников и смердов. Где же отряды бояр и городские ополченцы? Может быть, они появятся в описаниях других военных действий русских князей?

Case-study 1093 года. Более ранний отрывок «Повести временных лет», рассказывающий о русско-половецкой войне 1093 г.,

хорошо показывает нам отсутствие в составе русских войск городских ополченцев.

Летописец сообщает: «В это время пришли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: “Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов”. Он же сказал: “Имею отроков своих 700, которые могут им противостоять”. Стали же другие неразумные говорить: “Пойди, князь”. Разумные же говорили: “Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтоб он тебе помог”»⁶.

Святополк, таким образом, решил выставить против половцев всего лишь 700 своих младших дружинников — больше у него просто не было. О какой-либо роли киевлян в драматических событиях самого тяжелого года борьбы с половцами не сказано ни слова. Либо городское население было столь малочисленно, что не могло выступать как военная сила, либо имелись веские причины для недоверия горожанам со стороны князей. Из более ранних сведений о политической истории Киевской Руси мы знаем, что жители Киева были разоружены еще в середине XI в.⁷ Вероятнее всего, им просто не позволялось иметь оружие.

Многочисленное население крупного города, конечно, вряд ли полностью разоружилось и вполне могло взять политическую инициативу в свои руки, как, например, это и произошло в Киеве во время восстания 1068 г. против Изяслава Ярославовича. Но численность вооруженных киевлян вряд ли была сколько-нибудь крупной: как известно, когда изгнанный князь пошел на Киев при поддержке поляков, то восставшие капитулировали, даже не решившись дать сражение. Можно сделать вывод, что городское население Киевской Руси из-за своей малочисленности было не способно стать серьезной политической силой.

Возвращаясь к анализу case-study 1111 г., можно сделать вывод, что военные силы Южной Руси в начале XII в. включали только дружинников и крестьян, а городское ополчение в тот период практически не имело серьезного значения. Тотальное вовлечение крестьян в боевые действия говорит об остром демографическом кризисе, поразившем южные русские земли в конце XI–начале XII вв. Аграрная экономика Южной Руси не могла из-за нехватки крестьянского населения создать излишек производства, достаточный для содержания крупных воинских формирований.

Case-study 1125 года. Попробуем подробнее разобраться с демографией городского населения Киевской Руси.

Советский/украинский археолог Петр Толочко, основываясь на чисто археологических данных, пришел к выводу, что в Киеве проживало около 50 тыс. человек, исходя из средней заселенности городской усадьбы⁸. Фактов, указывающих нам напрямую на численность городского и сельского населения Киевской Руси очень мало, но они все-таки есть.

Мы можем относительно точно вычислить, сколько проживало в начале-середине XII в. людей в Переяславском княжестве, приняв во внимание одно любопытное сообщение «Повести временных лет». В 1125 г., как только умер Владимир Мономах, в Переяславское княжество вторглись половцы. Князем в Переяславле был тогда сын Мономаха — Ярополк, он быстро принял меры. По приказу князя, все проживавшие в княжестве люди были собраны в городах под защитой стен. Половцы не решились на штурм укреплений, и ушли на Сулу, грабить в Переяславском княжестве было некого, да и в тыл им ударила дружина Ярополка⁹.

Крупных городов в Переяславском княжестве, кроме самого Переяславля, не было (правда, имелось примерно 5 приграничных крепостей). Древнерусский город обычно разделялся на посад и кремль. Посад часто был укреплен валом и рвом — не очень надежными укреплениями, поэтому в случае военной опасности население укрывалось за стенами кремля, который в самом Переяславле имел площадь в 400 квадратных метров¹⁰. Кремли других городов княжества были еще меньше.

Попробуем теперь подсчитать, сколько же людей могло укрыться в городах Переяславского княжества в 1125 г. Предпо-

ложим, что остальных пять городов княжества имели площадь кремля около 300 метров каждый, и это — максимальная оценка. Итак, в сумме получается 1900 квадратных метров, округлим их до 2000. Укрыться на таком пространстве при очень сильной скученности могли едва ли 1000 человек.

Поскольку такая оценка численности населения княжества кажется слишком низкой, предположим, что валы и рвы посадов могли представить для половцев серьезное препятствие. Средняя площадь крупного древнерусского города в то время составляла примерно 100 га (включая неукрепленные слободы). Площадь посадов малых городов в Киевской Руси определена археологами приблизительно в 3–4 га. Посад крупного города не мог превышать в начале XII в. 50 га (у Переяславля его площадь составляла приблизительно 60 га). Таким образом, посадки и кремли всего Переяславского княжества в 1125 г. едва ли превышали по размерам 80 га. Исходя из расчета 4 квадратных метра на человека, от половцев за стенами городов могло укрыться примерно максимум 200 тыс. человек.

Но нам также надо учесть, что крестьяне и союзные русским торки спасались вместе со своими скарбом и лошадьми. Потеря лошадей для крестьян вполне означала в то время голодную смерть. Тогда наши расчеты должны подвергнуться существенной корректировке в сторону уменьшения. Если за валами посадов русские крестьяне и пришельцы из степей укрывались вместе с лошадьми и скотом, тогда предположенную нами вначале численность населения Переяславского княжества надо сократить вдвое как минимум.

Необходимо также принять во внимание, что за несколько лет до описываемых событий на Русь с Дона бежало много торков и печенегов, большинство из них обосновалось под Переяславлем. Собственно, половцы и пришли в 1125 г. требовать возврата беглецов (точно также сто лет спустя монголы будут требовать от русских князей выдачи самих половцев). Едва ли половцы пришли бы из-за нескольких сотен или даже 2–3 тыс. торков и печенегов. Речь, по всей видимости, шла о большой, бежавшей из степей на Русь орде.

Далее, треть территории посада в древнерусском городе занимали обычно садовые деревья и постройки, надо также принять

во внимание «мертвое» пространство за укреплениями, где оставаться было практически невозможно во время осады. Таким образом, из тех 80 га нам надо вычесть приблизительно 25 га, которые никак не могли оказаться пригодными для размещения беженцев. Тогда мы выходим на цифру в 55 тыс. человек.

Это то число жителей Переяславского княжества, которое могло укрыться вместе с лошадьми в городах, если исходить из расчета один человек на 10 квадратных метров¹¹. И это — максимально возможная приблизительная численность населения Переяславского княжества, третьего по значению княжества Киевской Руси.

Комплексная оценка демографии Киева

Попробуем теперь, обобщая ранее разобранные case-study, сделать выводы о численности Киева — крупнейшего города Киевской Руси.

Петр Толочко (практически единственный историк, специально занимавшийся демографией древнего Киева) указывает на скудость источников, дающих нам сведения о населении столицы Древней Руси. Он приводит следующие свидетельства: «В 1015 году, согласно сообщению Нестора о Борисе и Глебе, в походе против печенегов вместе с князем Борисом Владимировичем принимало участие 8 тысяч воинов... Титмар Мерзебургский, писавший о Киеве в 1018 году со слов воинов польского короля Болеслава, называл его городом 400 храмов и 8 рынков с неисчислимым населением... Под 1092 годом “Повесть временных лет” сообщает следующее: “В си же времена мнози человеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты (гробы): яко продахом корсты от Филиппова дня до мясопуст 7 тысяч”. В 1093 году великий киевский князь Святополк решил выступить в поход против половцев во главе отряда в 700 воинов. Сил этих было явно недостаточно для борьбы с ними... В битве на Калке в 1223 году, закончившейся поражением русских дружин, по словам летописи, «киян одних изгибло на полку 10 тысяч”. Вот, пожалуй, и все статистические данные о населении древнего Киева»¹².

Петр Толочко считает приведенные выше данные по демографии Киева исчерпывающими. Привлечение к анализу инфор-

мации о войнах Киевской Руси позволяет, однако, сделать дополнительные расчеты.

Вспомним рассмотренный нами case-study о подготовке русских к походу 1111 г., когда Киевская Русь одержала самую крупную в домонгольский период победу над кочевниками. На основе данных летописи о событиях 1111 г., мы пришли к выводу, что Киевское и Переяславское княжества вместе не могли насчитывать много более 100 тыс. человек. Далее, анализируя case-study 1125 г., мы определили, что население Переяславского княжества не превышало 55 тыс. человек, включая и пришедших из степи торков и печенегов. Элементарный расчет показывает, что в Киевском княжестве должно проживать порядка 45 тыс. человек. Однако вряд ли могло быть, чтобы Киевское княжество (а ведь Киев — столица и важный торговый центр) оказалось малочисленнее Переяславского. Вероятнее всего, Киев был все-таки на несколько десятков тысяч человек многочисленнее Переяславля. С учетом высокой степени приблизительности наших расчетов, допустимо предположить, что Киевское княжество в начале XII в. вмещало 60–80 тыс. жителей, в то время как Переяславское — 20–40 тыс.

Ранее мы предположили, что когда Владимир Мономах говорил о мобилизации именно всех смердов, то под смердами понималось все крестьянское население Руси. Следует уточнить, что, вероятнее всего, Владимир Мономах имел ввиду только свободное и полусвободное население. Ведь брать на войну рабов-холопов (тем более, если они имели иноземное происхождение) было бы крайне опасно, к тому же холопы не могли себя вооружить.

Сколько рабов было в Южной Руси? На этот вопрос историческая наука до сих пор не дала ответа. Мы можем предположить, что их было где-то порядка 1/4 от всего свободного населения. Если бы рабы по своей численности составляли более высокую долю, то мы встретили бы упоминания об их восстаниях. Большое количество рабов, несомненно, должно было привести к резкому социальному расслоению в древнерусском обществе, выделению сильной земельной аристократии, имевшей значительный политический и военный вес, чего мы не видим в Киевской Руси. Как считают историки, боярская знать Киевской

Руси приобрела силу только в канун монгольского завоевания, и то происходило это в основном в Юго-Западной Руси и в Новгородской республике.

Таким образом, во времена Владимира Мономаха Киевское княжество даже с учетом рабов имело население, едва ли превышавшее по численности 100 тыс. человек.

Предположим, что соотношение 1 горожанин на 10–12 крестьян, имевшее место в Западной Европе¹³, применимо и к Руси, поскольку Киевская Русь все-таки имеет признаки европейского общества. Но тогда получается, что население Киева в начале XII в. не превышало 10 тыс. человек. Если это так, то можно объяснить и низкую степень воинственности киевлян, и их неспособность силой отстаивать свои интересы перед княжескими дружинами. При малочисленности горожан восстания киевлян против княжеского произвола если и случались, то лишь в тех случаях, когда дружины последних были малочисленны вследствие больших потерь в боях с кочевниками.

Наше предположение о том, что население Киева составляло не более 10 тыс. человек, казалось бы, противоречит выводам Петра Толочко, сделанным на основе археологических данных о топографии Киева. Однако жилые постройки могут существовать и после того, как их покинули люди. Поэтому не исключено, что в период расцвета Киев действительно насчитывал порядка 50 тыс. человек, а сельская округа столицы могла вмещать до 600 тыс. деревенских жителей. Но к XII в. этот «золотой век» Киева остался в прошлом.

Что же могло привести Южную Русь к такому резкому демографическому кризису?

Вспомним о словах Владимира Мономаха: «начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и гумно его подожжет». Они значат, что кочевники в своих набегах уничтожали запасы зерна, предназначенные для посева (т.е. «гумно»). Это означало для русского крестьянина голодную смерть, то же самое могло произойти и при потери лошади.

В средние века крестьян убивали не столько стрелы и сабли, сколько уничтожение зерновых запасов. Дело в том, что до XVIII в. Русь практически не знала правил создания крупных го-

сударственные запасы продовольствия «на черный день». Правда, их делали монастыри, чем спасали находившееся в округе население в голодные годы. Однако в киевский период монастырей было мало и их запасы были скромными, поскольку монастырское землевладение еще не было столь распространено.

Летопись упоминает об очень сильном голоде 1092 г., который был вызван засухой и вполне мог стать причиной демографического кризиса Киевской Руси. Видимо, он ее ослабил настолько, что она долго не могла вернуться к своему былому величию и единству.

Правда, в начале XIII в. демографическая ситуация в Южной Руси, судя по упоминаниям о численности войск, заметно улучшилась. Ключевыми событиями того века для Киевского княжества стали битва на Калке и разгром города Батьем. Согласно «Повести временных лет», во время битвы на Калке Киев выставил городское ополчение, насчитывавшее не менее 10 тыс. человек (таким было количество погибших). Предположим, что летописец, называя эту цифру, опирался на реальные оценки, а не использовал эту цифру как синоним слову «много». В резерве русские города в то время оставляли обычно от четверти до трети вооруженных мужчин. Учитывая, что взрослые мужчины составляли примерно 20–25% населения древнерусского города, все население Киева в начале XIII в. можно тогда оценить цифрой порядка 60 тыс. человек.

Сложно оценить масштабы демографических потерь от «великого голода» 1092 г. В «Повести временных лет» говорится только, что в этом году в Киеве было куплено 7 тыс. гробов¹⁴. Для правильной интерпретации этого сообщения надо учитывать, что на Руси в гробах хоронили умерших только христиане, однако в конце XI в. в Киевском княжестве проживало и много язычников. В первые столетия после крещения Руси сельское население продолжало оставаться в русских землях преимущественно нехристианским. Предположительное соотношение язычников и христиан на Руси составляло в то время 10:1. Соответственно, если в Киеве и его сельской округе (а летописец, несомненно, имеет в виду не только город) умерло 7 тыс. христиан, то язычников погибло в 10 раз больше. Таким образом, только Киев и его окрестности потеряли в результате засухи 1092 г. порядка 70–80 тыс. человек.

Великая засуха конца XI в. коснулась не только Руси, но и прилегавших к ней степных пространств. Степь горела, что означало голодную смерть для кочевников. В лесостепной полосе номады еще могли найти пастбища — именно этим А.А. Инков объясняет причину вторжения половцев в русские земли¹⁵. Ослабленная голодом Русь не могла эффективно противостоять кыпчакам. У русских было два пути — либо интегрироваться с номадами (т.е. принять их в свою среду), либо воевать, причем эта война должна была вестись на уничтожение. Владимир Мономах выбрал второй путь, в то время как его политический оппонент Олег Святославович выступал за первый. Война с половцами добавила к бедствиям засухи бедствия массового разорения крестьян-смердов. Так раскручивался маховик демографического кризиса. Русские крестьяне стали уходить на север — проще говоря, они начали убегать и от войны с кочевниками, и от засухи, и от не менее губительных для себя княжеских междоусобиц.

Таким образом, Южную Русь постигла в конце XI в. демографическая катастрофа, которая была вызвана как внешними факторами, так и внутренними. К последним в первую очередь относится отсутствие эффективного государственного хозяйствования в экономике. Доктрина Древнерусского государства сводится преимущественно к идее князя-воина, отсюда — неэкономическая природа государства у восточных славян. Государственные институты в Киевской Руси группировались вокруг системообразующей связки «князь — дружина». Правда, Владимир Мономах и Всеволод Большое Гнездо впоследствии попытались изменить устройство общества, приблизив его к образцам феодальной Европы и отчасти Византии, но получилось это у них не столь успешно. Князья реально стали государями только в Московской Руси, в совсем иную эпоху.

Мы говорили в основном о Киеве и Переяславле, не рассматривая другие русские земли. Однако демографическая катастрофа конца XI в. коснулась в различной степени всей Киевской Руси, упоминания о засухе есть и для Западной Руси¹⁶. Следует помнить, что основная доля населения Киевской Руси была сконцентрирована именно в южной лесостепной полосе. Лес оставался в XI–XII вв. почти не освоенным славянской колониза-

цией (кроме отдельных районов Верхнего Поволжья). Поэтому рассмотренная нами демографическая катастрофа имела далеко идущие последствия для всей Русской цивилизации.

Бежавшее в северные леса крестьянское население оказалось почти без контроля со стороны государства, что надолго замедлило процесс феодализации Руси. Разрушение демографической основы Древнерусского государства — депопуляция населения территорий лесостепной полосы — создало условия для центробежных тенденций, обособления периферии. Это в итоге привело в XII в. к распаду более-менее единой Киевской Руси на региональные великие княжества — наступил удельный период.

Примечания

¹ Нефедов С.А. Новая интерпретация истории Киевской Руси: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Kiev1.htm>.

² Повесть временных лет. М.;Л., 1950: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest5.php>.

³ Имеются ввиду силы южных русских земель при Владимире Мономахе. При первых киевских князьях русское войско насчитывало примерно 50–70 тыс. человек, куда входили союзные отряды, наемники и воинские контингенты Новгорода. В отличие от Олега и Владимира I, Мономаху приходилось рассчитывать только на силы Киевского, Переяславского и очень ненадежного Черниговского княжеств (реальное участие последнего в боевых действиях против половцев в начале XII в. вообще вызывает сомнения). Возможно, какие-то контингенты приходили к Мономаху с Волыни и из Полоцка, но прямых летописных сведений об этом нет. Учитывая, что выступать в поход против половцев, имея менее 20 тыс. человек, было слишком рискованно, поскольку донские колена кыпчаков могли выставить на поле боя порядка 20 тыс. вооруженных мужчин, мы можем остановиться именно на цифре в 20 тыс. человек как примерной численности войск южных русских князей в 1111 г.

⁴ Термин «смерд» не имеет до сих пор однозначного толкования в исторической науке. Наиболее распространенным является мнение, что в XII в. смердами обозначали все сельское население. См., например: Греков Б.Д. Очерки по истории феодализма в России: Система господства и подчинения в феодальной вотчине. М; Л., 1934. С. 40; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 68–70.

⁵ Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001. С. 36, 64. Для сравнения можно также упомянуть, скажем, что в Первый крестовый поход

в конце XI в. из Европы отправилась «сборная Европы» в количестве примерно 300 тыс. воинов (возможно, это число преувеличено, но и по более скромным оценкам латинская Европа выставила тогда не менее 50 тыс. человек).

⁶ Повесть временных лет. М., Л., 1950: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php>.

⁷ На тот факт, что у киевлян в середине XI в. не было личного оружия, указывает следующий отрывок: «Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: “Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще раз сразимся с ними”». Речь идет о событиях после поражения русских от половцев на реке Альте в 1068 г. Из этого фрагмента летописи вытекает, что определенные навыки владения оружием у киевлян были, иначе трудно объяснить их уверенность в будущей победе. Ведь в руках не умеющего обращаться с оружием оно превратится в мертвый груз. Но в то же время полноценного боевого оружия у киевлян не было, иначе бы они не требовали его у князя. См.: Повесть временных лет. М., Л., 1950: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest3.php>.

⁸ Толочко П. Демография Древнего Киева // Наука и жизнь. 1982. № 4.

⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2006. С. 57–58.

¹⁰ Ляскоронский В. История Переяславльской земли. Киев, 1897. С. 156–157.

¹¹ Правда, какая-то часть населения так и не успела укрыться за стенами. Но таковых было меньшинство, поскольку летописец не упоминает о большом русском полоне, выведенном кочевниками из княжества в тот год.

¹² Толочко П. Указ. соч.

¹³ Попов Г.Г. Евразийские идеи о российском историческом процессе в современном отечественном социоестественном подходе к изучению истории России в средние века // Вестник Московского областного университета. Серия «История и политические науки». 2008. № 3.

¹⁴ Повесть временных лет. М., Л., 1950: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php>.

¹⁵ Инков А.А. Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X–XIII вв. (Русь и половцы). М., 2007. С. 11–18.

¹⁶ Повесть временных лет. М., Л., 1950: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php>.